

Х. Ф. Акрамова

МИХАИЛ СТЕПАНОВИЧ АНДРЕЕВ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

В 1973 г. исполнилось сто лет со дня рождения выдающегося исследователя — востоковеда, этнографа и лингвиста Михаила Степановича Андреева¹.

М. С. Андреев большую часть жизни посвятил изучению истории и этнографии таджикского народа². Определяя свой долг перед отечественной наукой, он подчеркнул, что изучение этнографии таджикского народа является его «священной обязанностью»³.

«М. С. Андреев принадлежит к числу тех весьма немногих у нас этнографов, — говорил А. А. Семенов, — которые специализировались на изучении быта и отчасти языка таджикского населения Средней Азии»⁴. По словам С. Ф. Ольденбурга⁵, С. П. Толстова⁶ и А. А. Фреймана⁷, М. С. Андреев был выдающимся исследователем этнографии таджиков.

Б. Г. Гафуров в одном из своих писем М. С. Андрееву подчеркивал: «Вы всю свою жизнь посвятили изучению истории культуры и этнографии таджиков, и в этом отношении Ваши заслуги перед ними исключительно велики. Мы знаем, что Вы располагаете такими результатами своей научной работы, которые будут оценены не только нами, но и будущими поколениями научных работников Таджикистана и, конечно, не только Таджикистана»⁸.

Оценивая собранные и опубликованные М. С. Андреевым научные материалы, наши крупнейшие востоковеды В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург И. Ю. Крачковский и Ф. И. Щербатский подчеркивали, что

¹ См.: А. К. Писарчик, Михаил Степанович Андреев (1873—1948), «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР», т. СХХ, 1960; В. В. Струве, Советское востоковедение за сорок лет, «Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР», т. 25, М., 1960, стр. 3; З. Ш. Раджабов, Развитие науки в Таджикской ССР, М., 1964, стр. 8; его же, Наука Советского Таджикистана, Душанбе, 1968, стр. 5—6; его же, Навеки вместе с великим русским народом, Душанбе, 1968, стр. 37 и сл.

² Архив Ин-та истории им. А. Дониша АН ТаджССР. Личный фонд М. С. Андреева, д. 107, л. 8 (далее — Архив, фонд М. С. Андреева).

³ Архив, фонд М. С. Андреева, д. 107, л. 89.

⁴ А. А. Семенов. Отзыв о научной деятельности М. С. Андреева, Архив Ташкентского госуниверситета (далее ТашГУ) им. В. И. Ленина, ф. 22, оп. 4, связка, л. 69.

⁵ Архив АН СССР (Ленинград), ф. 138, оп. 1, д. 301, л. 5; см. также: Отзыв С. Ф. Ольденбурга, Архив, фонд М. С. Андреева, д. 169, л. 1.

⁶ С. П. Толстов, 40 лет советской этнографии, «Сов. этнография», 1957, № 5, стр. 36; см. также: С. П. Толстов, Т. А. Жданко, Пути развития и проблемы советской этнографии. «Вопросы истории», 1964, № 7, стр. 7; прим. 10; С. А. Токарев, История русской этнографии, М., 1966, стр. 386.

⁷ См. Письмо А. А. Фреймана М. С. Андрееву от 14 марта 1925 г., Архив, фонд М. С. Андреева, д. 104.

⁸ Письмо Б. Г. Гафурова М. С. Андрееву от 4 апр. 1944 г., Архив, фонд М. С. Андреева, д. 107, л. 97.

М. С. Андреев был одним из тончайших и глубоких знатоков этнографии народов Средней Азии⁹.

М. С. Андреев родился в Ташкенте 11 (23) сентября 1873 г. В течение 6 лет он учился в Ташкентской мужской гимназии¹⁰, а в 1889 г. перешел в Туркестанскую учительскую семинарию, которая тогда была единственным в Ташкенте учебным заведением, где преподавались персидский, узбекский и арабский языки. Вспоминая годы учебы, М. С. Андреев впоследствии писал: «Я почувствовал некоторый интерес к местным языкам, которые я не знал, и начал стремиться к их изучению. Это тогда было для не имеющего руководства и пособий мальчишки очень трудно, вернее, даже невозможно. Я оставил поэтому гимназию и перешел в местную учительскую семинарию, где не только тогда преподавались местные языки (персидский и узбекский, отчасти одно время арабский), но где был такой прекрасный преподаватель, как известный знаток языков и быта Средней Азии покойный В. П. Наливкин»¹¹. Нам представляется, что роль В. П. Наливкина, по словам академика В. В. Бартольда — лучшего знатока языка и быта местных жителей, в становлении М. С. Андреева как ученого-этнографа, преимущественно таджиковеда, была, по-видимому, велика. В период педагогической деятельности В. П. Наливкина семинария превратилась в научный центр по изучению таджикского и узбекского языков. В. П. Наливкин, не ограничиваясь преподаванием языка, попутно знакомил семинаристов с хорошо ему знакомым бытом узбеков и таджиков, с историей Средней Азии¹². По его инициативе практиковалась отправка воспитанников на летние каникулы в кишлаки с целью собирания этнографических материалов и т. д.¹³

Учась в семинарии, Михаил Степанович посещал также занятия в медресе Ишан-Кули-Додхо¹⁴, для чего приходилось надевать узбекский национальный костюм¹⁵.

«Учение в медресе мне было очень интересно,— говорил М. С. Андреев.— Оно давало мне возможность знакомиться не только с языками, но открывало мне реальную жизнь, строй мышления, верования, обычаи, а в области языка дало мне возможность быстро и свободно говорить и (что казалось мне важным) приучило меня к хорошему ташкентскому произношению. В общем, это как-то хорошо открыло и мое сердце и приучило уважать и хорошо относиться к людям и видеть в них доброе и хорошее и там, где язык и уклад жизни не походили на те, в окружении которых я вырос в детстве»¹⁶.

Как известно, М. С. Андреев не учился в высшем учебном заведении. Он говорил: «Главным моим университетом были самостоятельные

⁹ См.: «Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 31 января 1929 г.», Л., 1930, стр. 1—3; см. также: С. Ф. Ольденбург, Востоковедение, «Общественные науки», 1929, стр. 333—335.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА) УзССР, ф. 50, оп. 1, д. 146, лл. 24, 29, 43, 46, 55, 61, 66, 71.

¹¹ Архив, фонд М. С. Андреева, д. 168; см. также: А. К. Писарчик, Указ. раб., стр. 3—4.

¹² К. Е. Бендриков, Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865—1924 гг.), М., 1960, стр. 151—152.

¹³ «Отчет Туркестанской учительской семинарии за 25 лет ее существования» (30 августа 1879 г.—30 августа 1904 г.), Ташкент, 1904, стр. 128; см. также: ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 399, л. 158; там же, д. 4989; Архив, фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 2 и др.

¹⁴ Ишан-Кули-Додхо, сын Беклярбеги, построил медресе около 1840 г. близ Шейхантаурского кладбища, см.: В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, соч., т. 2, ч. 1, М., 1963, стр. 303, прим. 16; О системе преподавания и состоянии указанного медресе в годы учебы М. С. Андреева см.: Н. П. Остроумов, Медресы в Туркестанском крае, «Журнал Министерства народного просвещения», ч. 7, 1907, № 1, отд. 3, стр. 9.

¹⁵ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 16.

¹⁶ Архив, фонд М. С. Андреева, д. 168, лл. 1—2, а также д. 64, л. 1.

поездки по Средней Азии». Путешествия молодого М. Андреева начались с того, что после первого же учебного года семинарский врач направил его для укрепления здоровья на кумысолечение в горы¹⁷. Он пристрастился к одиноким летним поездкам. «Я так привык к этим самостоятельным одиноким поездкам верхом за годы учения,—вспоминал он,—что даже потом, когда прекратилась надобность в этом «курорте», т. е. кумысолечении, я с наступлением весны продолжал предпринимать при каждом удобном случае свои одинокие поездки. Круг моих поездок при этом все более и более расширялся, так как мне хотелось побывать все в новых местах и видеть дальше и больше. Так, я побывал в верховьях Ангрена, ездил несколько раз из Ташкента в Ходжент и далее в Кызыл-Кумы, в Фергану и Матчу вплоть до Зеравшанского ледника, перевалив на обратном пути через малопосещаемый перевал Янги-Сабах, позднее проехал, а отчасти прошел пешком через горы из Шахрисябза через Гиссарскую долину в верховья р. Хингоу, а затем в Ягноб и вернулся в Ташкент через Ура-Тюбе»¹⁸.

Работая после окончания семинарии (1893 г.) в должности заведующего вечерними курсами при Ходжентском приходском училище, М. С. Андреев совершил в 1893—1894 гг. поездки по горной части Ходжентского и Самаркандского уездов¹⁹. По сообщению В. В. Бартольда, во время этих поездок М. С. Андреев побывал в Варухском ущелье, где открыл неизвестную арабскую надпись²⁰, посетил он также пещеру Кони-Гут и установил, что она является старым, оставленным рудником. О результатах своих поездок 1893—1894 гг. М. С. Андреев впоследствии, в феврале и декабре 1896 г., делает сообщение на общем собрании членов Туркестанского кружка любителей археологии²¹.

В 1895 г., работая преподавателем восточных языков в Ташкентской учительской семинарии и в Ташкентском реальном училище, М. С. Андреев путешествует по Бухарскому ханству. Он побывал в Самарканде, Бухаре, Карши, Каратаге. Через Шахрисябз, Аман-Кутан и Самарканд вернулся в Ташкент.

«Как много мне дала эта поездка,—подчеркивал М. С. Андреев.—Я мог наблюдать жизнь Бухарского ханства, как она протекала в провинциях, видел многое из теперь давно уже ушедшего и знакомился с местными наречиями...»²².

В 1895 г. М. С. Андреев опубликовал статью под названием «Остатки языческих обычаев среди туземцев»²³, которая по праву считается первой работой ученого, посвященной чисто этнографической проблематике. В статье автор сообщает о следах былого почитания огня, деревьев, духов и т. д.²⁴ М. С. Андреев, по справедливому замечанию Н. Г. Маллицкого, в этой небольшой по объему работе привел такие сведения по различным пережиткам и суевериям таджиков и узбеков, каких ни прежде, ни после того в этнографической литературе не появлялось²⁵.

С 1896 по 1914 гг. М. С. Андреев совершил поездки в Петербург, Париж, побывал в Индии, Индокитае и т. д. В Петербурге М. С. Андре-

¹⁷ ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1732, л. 22.

¹⁸ Архив, фонд Андреева, д. 168, лл. 3—4.

¹⁹ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 16.

²⁰ Там же, д. 75, л. 16; см. также: «Туркестанские ведомости» от 23 декабря 1901 г. ²¹ См.: «Протокол заседания Туркестанского кружка любителей археологии» (далее — ПТКЛА) от 26/II-1896 г., Ташкент, 1896, стр. 15—16; см. также: М. С. Андреев, О некоторых интересных в археологическом отношении местностях Кокандского, Ташкентского и Ходжентского уездов, «Туркестанские ведомости» от 3(15) марта 1896 г.; ПТКЛА от I/IV-1896 г., Ташкент, 1896, стр. 19.

²² Архив, фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 4.

²³ См.: «Окраина», 1895, № 27 (под псевдонимом «М. А.»).

²⁴ Там же.

²⁵ Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 443, л. 17.

ев познакомился с крупнейшими русскими учеными В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, В. В. Радловым, К. Г. Залеманом. Под их руководством он в дальнейшем углубил свои теоретические знания в области лингвистики и этнографии народов Средней Азии.

В 1898 г. М. С. Андреев в качестве переводчика участвует в экспедиции Российской Академии наук в Восточный Туркестан, возглавляемой известным ученым Д. А. Клеменцем. По замечанию А. К. Писарчик, это путешествие «через Сибирь и Монголию на Урумчи, Турфан и Лючкун обогатило М. С. Андреева многими ценными наблюдениями»²⁶. Во время этой поездки Михаил Степанович составил в Урумчи небольшой словарь канджутского языка²⁷, сделал фольклорные записи на узбекском языке в Восточном Туркестане и собрал материалы для составления археологической карты²⁸.

Вспоминая об участии М. С. Андреева в Турфанской экспедиции, В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатский и И. Ю. Крачковский писали, что участие в экспедиции «...поставило М. С. Андреева очень рано лицом к лицу с важными и сложными вопросами археологии Средней Азии, особенно трудными вследствие многообразных сплетений самых различных культур. Богатые материалы Западного Туркестана позволили ему проявить интерес к археологии и впоследствии, причем он старался увязать археологическую работу с этнографической, систематически наблюдая пережитки старины и современность»²⁹. Не только во время поездок, но и в самом Ташкенте у горных таджиков, пришедших на заработки, М. С. Андреев собрал немаловажные материалы по этнографии этого народа. Полученные интересные данные легли в основу статьи «Вахие», опубликованной ученым в 1899 г.³⁰. Автор писал о двух наречиях горных таджиков — жителей Вахие — страны, лежащей между Каратегином и Дарвазом, сообщал о нравах и обычаях, связанных с рождением, обрезанием, браком, свадьбой и т. д.

В 1902 г. М. С. Андреев совершил поездки на Памир и в Припамирье. Тогда же он занялся изучением язгулемского языка, составил таблицу его глаголов и т. п.

В небольшой по объему статье, опубликованной в 1905 г., М. С. Андреев отметил, что «припамирские страны представляют собой тот же Кавказ с его множеством этнографических единиц. Здесь в каждой долине вы можете встретить своеобразное наречие, увидеть оригинальный обычай, не повторяющийся иной раз даже в соседнем селении»³¹.

Возвращаясь в 1907 г. из Индии³² в Восточный Туркестан, М. С. Андреев посетил Таш-Курган, оз. Зоркул, Вахан, Шугнан, Восточный Памир и Ферганскую долину. Столь длинный трудный путь возвращения на родину был предпринят ученым для того, чтобы иметь возможность собрать как можно больше этнографических и лингвистических материалов³³.

²⁶ А. К. Писарчик, Указ. раб., стр. 6.

²⁷ Архив Института востоковедения АН СССР, далее — Архив ИВАН СССР (Ленинград), ф. 3, оп. 1, д. 12.

²⁸ В. А. Крачковская, Эпиграфика Средней Азии, «Эпиграфика Востока», М.—Л., 1953, стр. 68.

²⁹ «Записки об ученых трудах членов-корреспондентов Академии наук СССР», стр. 3; см. также: С. Ф. Ольденбург, Характеристика научной деятельности М. С. Андреева, Архив АН СССР, ф. 208, оп. 1, д. 369, л. 4.

³⁰ «Туркестанские ведомости», 1899, № 93; см. также: Архив ИВАН, СССР, ф. 3, оп. 1, д. 23, лл. 1—6.

³¹ М. С. Андреев, Блины в Припамирье, «Туркестанские ведомости» от 11 декабря 1905 г.

³² С 1905 г. М. С. Андреев стал работать в Индии в качестве личного секретаря А. А. Половцева — русского генерального консула в Бомбее.

³³ М. С. Андреев, Поездка из Индии в Туркестан сухим путем 1907 г. (Дневник), Архив ИВАН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 20, 114 стр.

По возвращении на родину в 1914 г. М. С. Андреев был назначен инспектором народных училищ в Ходжентском и Джизакском уездах Самаркандской области³⁴.

Инспекторская деятельность М. С. Андреева (1914—1918 гг.) была чрезвычайно разнообразна. Ему приходилось вникать не только в организацию системы образования указанных уездов и в учебно-воспитательный процесс школ, но и самому открывать специальные мастерские для изготовления различного школьного оборудования, организовывать библиотеки и т. д.³⁵

В 1915 г. (по некоторым данным в 1916 г.) в связи с поручением Российской Академии наук и Географического общества по составлению этнографической карты Туркестана М. С. Андреевым была совершена поездка в Нуратинские горы и прилегающую к ним часть пустыни Кызылкум. В том же 1915 г. ученый был командирован по учебному ведомству для изучения таджикских наречий в Бухару, а летом 1916 г. он совершил кратковременную поездку в Матчу, во время которой обнаружил в селении Оббурдон широкоизвестную теперь деревянную резную колонну. В 1917 г. с целью сбора этнографических материалов М. С. Андреев совершает поездки по городам и селам нынешнего Северного Таджикистана.

М. С. Андреев без колебаний признал Советскую власть и сразу же стал активно участвовать в становлении социалистической культуры в Средней Азии, в частности в перестройке народного образования. В 1918 г. он был назначен первым советским комиссаром народных училищ 2-го района Самаркандской области³⁶. М. С. Андреев был активным организатором и первым ректором (1918—1920 гг.) Туркестанского восточного института в Ташкенте, где читал курсы лекций по разнообразным предметам: этнографии таджиков, истории и географии Афганистана и Индии, таджикскому и персидскому языкам.

Преподавательская деятельность М. С. Андреева в различных высших учебных заведениях Средней Азии продолжалась почти до самой смерти ученого. М. С. Андреев придавал особое значение воспитанию местных кадров, ибо понимал, что самым главным препятствием в изучении быстро исчезающих этнографических традиций «является отсутствие кадров, подготовленных научных работников»³⁷. Говоря об изучении этнографии таджикского народа, он подчеркивал, что надеется «на подрастающую молодежь, начинающую работать, и ту, которой еще предстоит работать в будущем. От их здоровой любви и интереса к родной старине зависит многое»³⁸. «А хорошие научные работники так необходимы Таджикистану, в особенности в области гуманитарных дисциплин», — говорил М. С. Андреев³⁹.

Многие советские ученые-востоковеды, в частности Е. М. Пещерова, А. К. Писарчик и др., прошли научную школу М. С. Андреева.

В 1921—1922 гг. Михаил Степанович был членом и ученым секретарем «Научной комиссии по обследованию быта коренного населения Туркестана», созданной по указанию В. И. Ленина⁴⁰ при Совнарком Туркестанской республики. По поручению комиссии, в задачу которой входило в основном составление этнографической карты Туркестана⁴¹,

³⁴ Х. Ф. Акрамова, М. С. Андреев — как инспектор народных училищ, «Сборник аспирантских работ кафедры истории СССР Тадж. гос. университета им. В. И. Ленина», Душанбе, 1968, стр. 43—68.

³⁵ Х. Ф. Акрамова, Жизнь и научная деятельность члена-корреспондента АН СССР Михаила Степановича Андреева, Автореф. канд. дис., Душанбе, 1969, стр. 10—11.

³⁶ ЦГИА УзССР, ф. 47, оп. 1, д. 1733, л. 67.

³⁷ Архив, фонд М. С. Андреева, д. 118, л. 6.

³⁸ Архив ИВАН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 25, л. 11.

³⁹ Архив, фонд М. С. Андреева, д. 107, лл. 83—88.

⁴⁰ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 41, стр. 436.

⁴¹ Б. И. Пак, Выполняя ленинское задание, «История СССР», 1969, № 2.

М. С. Андреев в 1921—1922 г. ездил в Самаркандский, Катта-Курганский, Джизакский и Ходжентский уезды. В результате поездки был собран огромный этнографический и лингвистический материал для составления специальной этнографической карты⁴².

В последующие годы М. С. Андреев совершил поездку в верховья Чирчика (1923 г.), в Матчу, Каратегин, Гиссар и Ягноб (1924 г.), в Ура-Тюбе, долину Зерафшана, Ягноб, Душанбе, Каратегин, Дарваз, Припамирье, Памир и Ош (1925 г.), в Афганистан (1926 г.), в Ягноб (1927 г.), в большое таджикское селение Касан (1928 г.), в долину Хуф (1929 г.).

В 1925—1930 гг. деятельность ученого тесно связана с «Обществом для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами»⁴³. Он был избран заведующим историко-филологическим и этнографическим отделами общества. Участвовал почти во всех его заседаниях, часто выступал с научными докладами, редактировал и готовил к печати труды общества, написал работу «По этнографии таджиков», совершил несколько научных поездок по заданиям общества. Им были основаны филиалы общества в Душанбе и Хороге. М. С. Андреев был привлечен к обработке и анализу этнографических материалов Памирской экспедиции 1928 г., возглавляемой Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, принимал участие в составлении грамматики таджикского языка⁴⁴.

В 1929 г. М. С. Андреев избирается членом-корреспондентом АН СССР.

В 1930—1931 гг. ученый принимает участие в организации и затем работе Объединенного государственного научно-исследовательского института Таджикской ССР. В 1934 г. ученый побывал в Ягнобе, в 1936 г. — в Бухаре и Хиве, в 1937 г. — в таджикском селении Нур-Ата и г. Маргелане, в 1940 г. М. С. Андреев совершает вторичную поездку в Бухару.

С 1941 г. М. С. Андреев работает в только что организованном Узбекском филиале АН СССР. В 1943 г. ему было присвоено звание профессора, заслуженного деятеля науки Узбекской и Таджикской ССР. Тогда же М. С. Андреев избирается действительным членом АН Узбекской ССР и приступает к организации Отдела этнографии при Институте истории и археологии АН Узбекской ССР, которым руководил с 1944 по 1947 г. С 1942 по 1944 г. ученый активно участвует в работе Института востоковедения АН СССР, эвакуированного в Ташкент. В 1943 г. он совершает свою последнюю поездку на Памир.

М. С. Андреев многое сделал для преобразования Таджикской базы Академии наук СССР в филиал АН Таджикской ССР и для организации Института истории, языка и литературы при Таджикском филиале АН СССР. С 1947 г. М. С. Андреев работал в этом институте.

Необходимо особо отметить еще одну сторону деятельности ученого в послереволюционный период. Ему принадлежат большие заслуги в возрождении музейного дела в нашей стране. М. С. Андреев неоднократно подчеркивал: «...нужно твердо помнить, что накопленные в Среднеазиатских музеях этнографические богатства — вещь священная, обычно неповторимая и невозстановимая. Нужно всячески стараться их увеличивать и этим расширять наши представления о прошлом нашей страны и поднимать честь нашей советской науки...»⁴⁵. Очень важным научным пособием для ясного понимания прошлого, — говорил он, — обоснованным на фактическом материале, являются правильно созданные исторические музеи. Если описания быта... являются своего рода научным протоколированием, то иллюстрацией к нему, фактиче-

⁴² Архив АН СССР, ф. 68, оп. 1, д. 218, л. 10.

⁴³ См.: ЦГА ТаджССР, ф. 1434, оп. 1, д. 1—30 и др.

⁴⁴ Там же, д. 2, лл. 99, 105—106; д. 27, лл. 14, 18, 23—24, 36—37; д. 30, л. 2 и лл.

⁴⁵ Архив, фонд М. С. Андреева, д. 118, л. 6.

ским наглядным материалом, делающим сугубо ценными и полными эти записи, должны являться музеи быта народов с их соответствующими коллекциями»⁴⁶. «Музей — это реальная неистощимая ценность, своего рода справочник-указатель», — говорил М. С. Андреев⁴⁷.

К сожалению, М. С. Андреев, собравший огромное количество уникального этнографического материала, не успел подытожить свои многолетние труды.

М. С. Андреев скончался 10 ноября 1948 г. в Душанбе. После его смерти остались дневники, полевые записи, наброски, вчерне подготовленные варианты работ по этнографии, лингвистике, фольклору.

Благодаря многолетнему и необычайно кропотливому труду одной из учениц М. С. Андреева — видного этнографа Таджикистана А. К. Писарчик увидели свет многие незаконченные работы ученого и среди них классический труд, посвященный этнографии памирских таджиков, — двухтомная монография «Таджики долины Хуф»⁴⁸. В 1960 г. А. К. Писарчик опубликовала статью «М. С. Андреев» (1873—1948)⁴⁹. В ней наряду с данными научно-биографического характера приводится краткое описание научного архива. К статье приложен список опубликованных работ М. С. Андреева.

Научная деятельность М. С. Андреева была высоко оценена партией и правительством. Он был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

MIKHAIL STEPANOVITCH ANDREYEV. TO THE HUNDREDTH ANNIVERSARY OF HIS BIRTH

The article is devoted to the hundredth anniversary of the birth of the outstanding orientalist, ethnographer and linguist, M. S. Andreyev. It describes the research carried out by M. S. Andreyev in the history and ethnography of the Tajiks.

⁴⁶ Архив ИВАН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 25, лл. 8—9.

⁴⁷ Архив, фонд М. С. Андреева, д. 168, л. 17.

⁴⁸ См. Н. А. Кисляков, Рецензия на книгу М. С. Андреева «Таджики долины Хуф», вып. 1, «Сов. этнография», 1953, № 4; его же, Издания сектора этнографии Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР (1951—1956), «Сов. этнография», 1957, № 5; Л. Ф. Моногарова, Рецензия на кн. М. С. Андреева «Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи)», вып. 1, «Вопросы истории», 1954, № 5, и др.

⁴⁹ «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН СССР», т. 120, Душанбе, 1960; Х. Ф. Акрамова, Н. М. Акрамов, Востоквед М. С. Андреев, Душанбе, 1973.